

DOI 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-125-142

УДК 39

М. А. Мордасов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5222-4821
E-mail: matveimordasov@gmail.com

А. А. Смирнова

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1161-2830
E-mail: a.a.smirnovaaa@gmail.com

А. В. Влахов

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9099-8235
E-mail: avlakhov@gmail.com

**Коми свой, коми другой: идентичности
коми-ижемцев через языковые идеологии***

АННОТАЦИЯ. В статье на полевом материале авторами рассматривается идентичность коми-ижемцев — представителей самой северной части ареала коми-зырян — сквозь призму этноязыковых процессов. Некоторые акторы, такие как этнические активисты и представители академического сообщества, выделяют и противопоставляют сообществу Ижемского района всем прочим коми по языковому принципу, конструируя особую ижемскую идентичность на основе идеи об особом статусе ижемского диалекта. Однако эта точка зрения не подтверждается ни лингвистическими аргументами, ни полевыми данными авторов, полученными в ходе экспедиций 2021–2022 гг.: подавляющее большинство членов самих сообществ считают ижемский идиом разновидностью коми-зырянского, но не самостоятельным языком. Опираясь на концепцию языковых идеологий М. Сильверстина и концепцию «идентичности через язык» М. Бухольц и К. Холл, авторы выделяют две основные языковые идеологии, формирующие идентичность коми Ижемского района. Языковые идеологии в данном контексте — это социокультурные конструкты, интерпретирующие языковое поведение и отношение к языку членов локальных сообществ. Первая идеология — это идеология локальности, построенная на противопоставлении «местного» идиома и общего надлокального стандарта. Вторая — идеология смешанности, в рамках которой местный идиом оценивается как «смешанный» с русским языком по сравнению с «чистым» коми языком юга республики. На основе данного анализа сделаны выводы о современном состоянии идентичности коми-ижемцев.

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А : коми, коми-ижемцы, Ижемский район, идентичность, языковые идеологии, конструирование этничности

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я : Мордасов М. А., Смирнова А. А., Влахов А. В. Коми свой, коми другой: идентичности коми-ижемцев через языковые идеологии. *Этнография*. 2023. 3 (21): 125–142. doi 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-125-142

M. Mordasov

HSE University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5222-4821
E-mail: matveimordasov@gmail.com

A. Smirnova

HSE University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1161-2830
E-mail: a.a.smirnovaaa@gmail.com

A. Vlahov

HSE University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9099-8235
E-mail: avlahov@gmail.com

Our Komi, Their Komi: Izhma Komi Identities through Language Ideologies

ABSTRACT. This paper uses ethnolinguistic methodologies to analyze the identities of Izhma Komi, the northernmost subgroup of the Komi people. Some actors, such as ethnic activists and representatives of the academic community, distinguish and contrast the communities of the Izhemsky District with all other Komi based on language, constructing a distinct Izhma Komi identity and claiming the special status for the Izhma dialect. However, neither linguistic arguments nor the authors' field data obtained during the 2021–2022 expeditions do not support these views. The overwhelming majority of community members consider the Izhma idiom to be a variety of Komi-Zyrian but not an independent language. Using M. Silverstein's concepts of linguistic ideologies and M. Bucholtz and K. Hall's "identity through language", we determine two major linguistic ideologies behind the identity of the Izhemsky District Komi. In this context, linguistic ideologies are sociocultural constructs that interpret the local residents' language behavior and attitudes. One is the ideology of locality, built on the opposition of the "local" idiom and the supra-local standard. The other is the ideology of mixture, when the local idiom is identified as "mixed" with Russian as opposed to "pure" Komi spoken in the south. Based on such analysis, conclusions are drawn on the current status of the Izhma Komi identity.

KEY WORDS: Komi, Izhma Komi, Izhemsky District, identity, language ideologies, ethnicity construction

FOR CITATION: Mordasov M., Smirnova A., Vlahov A. Our Komi, Their Komi: Izhma Komi Identities through Language Ideologies. *Etnografia*. 2023. 3 (21): 125–142. (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-125-142

Ижемский район Республики Коми, согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, имеет наибольший процент коми населения (88%) среди всех остальных муниципальных округов России. В большинстве локальных сообществ Ижемского района коми язык крайне витален (сохранен): именно на нем происходит повседневная коммуникация внутри сообществ и между ними. Традиционно считается, что ижемские коми, или коми-ижемцы¹, обладают неповторимой идентичностью и особым идиомом, выделяясь среди остальных групп коми-зырян (Конаков, Котов 1991; Shabaev, Sharapov 2011: 102–103).

В данной работе рассматривается идентичность коми-ижемцев Ижемского района в связи с языком — локальным идиомом², традиционно называемым коми-ижемским диалектом. Основной исследовательский вопрос: конструируется ли через локальный идиом особая, противопоставленная остальным коми-зырянам идентичность коми-ижемцев?

Для этого будут рассмотрены две языковые идеологии, формирующие идентичность коми Ижемского района — социокультурные конструкции, интерпретирующие языковое поведение и отношение к языку членов локальных сообществ. Это идеология локальности, построенная на противопоставлении «местного» идиома и надлокальной нормы, и идеология смешанности, в рамках которой местный идиом оценивается как «смешанный» с русским языком по сравнению с «чистым» коми. Для построения этих идеологий будет использоваться методология, предложенная социокультурными лингвистами Мэри Бухольц и Кирой Холл и фокусирующаяся на связи идентичности и языка.

Представленное исследование основано на полевых данных, собранных коллективом авторов в ходе двух экспедиций в Ижемский район Республики Коми в 2021 и 2022 гг.³ За эти две поездки были охвачены почти все населенные пункты Ижемского района. Общий объем корпуса данных составляет более 350 интервью, взятых более чем у 500 информантов. Помимо интервью, анализируются открытые

¹ Термины *коми-ижемцы*, *ижемцы* и их производные относятся к категории семантически высоконагруженных — и исследователи, и сами представители сообщества, и публичные акторы используют их в различных — и зачастую резко различающихся — значениях, что регулярно становится причиной возникновения конфликтов. В этой статье указанные термины всегда используются в условном значении и отсылают к их локальному дискурсивному использованию; мы сознательно не ставим перед собой цели однозначно прочертить этнические и языковые границы.

² Здесь мы придерживаемся расширительного социолингвистического термина *идиом* (любой язык либо языковой вариант в употреблении индивида либо группы), чтобы избежать проблемы категоризации ижемского идиома как языка, диалекта, говора или социолекта.

³ Полевые исследования были проведены при поддержке НИУ ВШЭ по программе «Открываем Россию заново». Полевой архив хранится в Лаборатории социогуманитарных исследований Севера и Арктики НИУ ВШЭ. Авторы выражают благодарность всем сотрудникам и студентам университета — участникам экспедиций — за помощь в сборе и анализе данных. Кроме этого, авторы признательны анонимным рецензентам статьи за конструктивную критику и рекомендации по улучшению статьи.

и архивные источники, собранный в экспедициях визуальный материал, а также данные предыдущей полевой работы одного из авторов в диаспоральных группах коми-ижемцев.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Коми-ижемцы — группа, традиционно проживающая на территории Ижемского района Республики Коми. По данным Всероссийской переписи населения (2010), число жителей района составляет 18 771 человек. Также выходцы с Ижмы проживают диаспорами в Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском автономных округах и Мурманской области.

Предполагается, что в XVI в. часть коми с Выми и Верхней Мезени переселилась на север, на берег реки Ижмы, и основала Ижемскую слободку (Жеребцов 2017). До начала XVIII в. новых постоянных поселений жители слободки не основывали, но под воздействием интенсивных культурных контактов с ненцами освоили оленеводство и, в отличие от самих ненцев, перевели его на экстенсивные методы и товарный лад. Во второй половине XVIII в. выходцы из Ижемской слободки продолжили заселять берега Ижмы и вышли за пределы нынешнего Ижемского района к реке Усе, основав там такие поселения, как Усть-Уса и Новикбож. В течение XIX в. коми стали селиться в низовьях реки Печоры, на Кольском полуострове и за Уральскими горами. Многие поселения на территории нынешнего Ижемского района (Чика, Бакур, Кипиево, Чаркабож и др.) были основаны только в конце XIX — начале XX в., когда разросшееся население берегов Ижмы стало заселять «лакуны» между уже существовавшими селами.

В первой трети XX в. северные и оставшиеся южнее коми обнаружили свою непохожесть. В 1920–1930-е гг. правительство Автономной области Коми (Зырян) проводило политику «зырянизации», заключающуюся в подготовке управленцев и преподавателей из числа коми, а также в переводе делопроизводства и образования на коми язык (Кировова 2016). Для этого в тогдашний Ижмо-Печорский район были назначены люди из южных областей Коми.

Новым выходцам с Вычегды, с юга Автономной области Коми, местный идиом казался «неправильным» по сравнению с официальным литературным коми языком, а оленеводство в марксистской оптике считалось признаком «отсталости». Северные коми, проживавшие на территории современного Ижемского района, в свою очередь, стали противопоставлять себя *коми* — «южанам» или «зырянам», говорящим на «зырянском языке». Деятели с юга попытались ввести обучение литературному коми в школах, но эта инициатива встретила активное сопротивление — доходило даже до сжигания учебников на коми языке.

При этом в идентичности северных коми за пределами Ижемского района такого противопоставления не сложилось. Таким образом, на территории Ижемского района сформировалась идентичность, одним из

Рис. 1. Карта населенных пунктов Ижемского района Республики Коми, где велась полевая работа в 2021–2022 гг. Источник: Google Maps, авторы

Fig. 1. The map of settlements of the Izhemsky district, the Komi Republic, where the fieldwork was conducted (2021–2022). [online image]. Google Maps; authors.

главных маркеров которой было географическое положение. Несмотря на это противопоставление, коми с Ижмы и Печоры никогда не отделяли себя от этнической общности коми. Ощущение культурного единства с южными коми особенно обострилось во второй половине XX в., когда из-за притока русскоязычных мигрантов коми стали этническим меньшинством в республике, а русский язык — доминирующим практически во всех сферах общественной жизни (Шабаев, Истомин 2017: 100–104).

Идентичность северных коми актуализировалась вновь в 1990-е гг., когда на фоне значительных политических и социальных изменений происходила так называемая этническая мобилизация (Губогло 2003: 213–215). В этом контексте организация «Изьватас» начала продвигать проект по включению коми-ижемцев в список коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС). Статус

КМНС по закону (2000) дал бы коми особые права на пользование природными ресурсами своего места проживания. Закон ставил в неравные условия коми-оленеводов, с одной стороны, и ненцев и саамов-оленеводов, которые этот статус получили, — с другой. Идея движения «Изьватас» состояла в создании отдельной этничности «ижемцы», или «изьватас», чтобы северные коми также смогли получить статус КМНС — для этого численность этнической группы не должна превышать 50 000 человек, а численность коми, по Всероссийской переписи населения (2002, 2010), — более 200 000 человек). Одним из пунктов устава «Изьватас» является «создание условий для расширения и применения ижемского диалекта коми языка» (Устав 2014). Таким образом, ижемский диалект можно трактовать как отличительную черту коми-ижемцев в официальном дискурсе. Проект движения «Изьватас» по конструированию новой идентичности оказался не вполне успешным. Можно говорить об определенном успехе кампании в начале 2000-х гг.: по Всероссийской переписи (2002), коми-ижемцев насчитывалось более 15 тысяч человек. Однако к 2010 г. их численность сократилась почти втрое (Всероссийская перепись 2010) и до 2020-х гг. продолжала уменьшаться (Всероссийская перепись 2020). Статус КМНС северным коми присвоен не был, а новый этноним практически не прижился (Шабаев, Истомин 2017: 104–107).

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

На сегодняшний день один из важнейших атрибутов локальной идентичности в сообществах коми Ижемского района — это территориальность. Практически во всех поселениях района подавляющее большинство членов локальных сообществ идентифицируют себя как коми, чьи предки с большой вероятностью проживали в этом или других поселках нынешнего Ижемского района. Среди молодежи, особенно в районном центре, отмечается тенденция идентифицировать себя как русских. Однако наше исследование посвящено прежде всего тем, кто ассоциирует себя с коми и (или) ижемцами. *Ижемец* в исследуемом поле намного чаще означает не этническую, но территориальную принадлежность и используется в этом значении теми, кто живет по берегам Ижмы. Для живущих на берегах Печоры *ижемец* тоже часто является описательным термином для обозначения живущих по берегам Ижмы.

Транспортная инфраструктура внутри Ижемского района и инфраструктура, связывающая Ижемский район с соседними, где проживают коми, развита довольно слабо. Так, транспортной связи с коми деревнями и селами соседнего Усинского городского округа нет. Кроме того, некоторые из населенных пунктов Ижемского района остаются в значительной мере отрезанными от остального района. Несмотря на это, все населенные пункты Ижемского района (за единичными исключениями) соединены между собой сильными социальными связями, в том числе

семейными и экономическими. Мобильность между населенными пунктами крайне высока.

Условия Арктической зоны, где находится Ижемский район, предполагают, что в жизни людей в значительной степени присутствует неопределенность. От смены сезонов зависит транспортная доступность, которая, в свою очередь, затрагивает практически все сферы жизни: логистику, маятниковые миграции, работу, учебу, доступ к медицине, обеспечение пропитания.

Доступность многих населенных пунктов для автотранспорта ограничена. Важными транспортными артериями в районе были и остаются реки. На основе различных факторов в Ижемском районе можно выделить несколько территориальных кластеров относительно ориентации по рекам. Выделяются «верхний» и «нижний куст» — кластеры населенных пунктов в среднем и нижнем течениях реки Ижмы, а также Припечорья⁴. Это деление эмное, во многом дискурсивное.

ЛОКАЛЬНЫЙ КОМИ ИДИОМ

Одним из важнейших аспектов при обсуждении идентичности коми-ижмцев — как в научных работах, так и в локальном дискурсе — являются вопросы языка, поэтому языковая ситуация в сообществе требует подробного описания.

На территории Республики Коми проживают носители и пользователи множества языков. Самыми распространенными из них, согласно Всероссийской переписи населения (2010), являются русский (851 165 носителей) и коми (или коми-зырянский) (144 181 носитель) языки. И русский, и коми язык имеют статус государственного (Конституция Республики Коми: ст. 67). Коми язык относится к пермской группе финно-угорской семьи. Ученые выделяют три «наречия»: коми-зырянское, коми-пермяцкое и коми-язьвинское. Коми-зырянское наречие распространено в Республике Коми, а коми-пермяцкое и коми-язьвинское — в Кировской области и Пермском крае. Каждое наречие обладает кодифицированной нормой (Кузнецова 2014). В данной работе под коми языком подразумевается коми-зырянское наречие, если не сказано иное. Кроме литературной нормы, у коми языка есть множество диалектов (Попова, Сажина 2014). Стандартизированный коми основан на диалектах, распространенных в южной части республики. Коми язык на данный момент не относят⁵ к находящимся под угрозой исчезновения (endangered) языкам.

Локальный коми идиом Ижемского района традиционно в науке именуется ижемским диалектом коми языка. Издано лингвистическое

⁴ В данной работе под Припечорьем подразумеваются населенные пункты по правому берегу Печоры в пределах Ижемского района.

⁵ Страница о коми языке в лингвистическом атласе Glottolog. URL: <https://glottolog.org/resource/languoid/id/komi1268> (дата обращения: 04.09.2023).

описание ижемского диалекта (Сахарова, Сельков 1976). Исследованиям грамматических и фонетических особенностей диалекта посвящен значительный корпус лингвистической литературы (Кашкин, Муравьев 2020 и др.). Считается, что в ижемском диалекте присутствует заметное количество особой лексики (например, целый пласт лексики, связанной с оленеводством, нехарактерным для других коми); кроме того, ижемский диалект имеет значительные фонетические различия по сравнению с литературным стандартом.

Лингвист Марья Лейнонен (Leinonen 2009) разбирает вопрос «взаимопонимаемости» носителей ижемского и других коми диалектов, близких к литературному коми языку. Носители южных диалектов коми слушали записи коми речи выходца из села Ижма. Как специфически ижемские особенности речи были распознаны единичные фонетические и морфологические черты, которые, однако, не мешали пониманию и даже чередовались с литературными вариантами. Незнакомой носителям южных диалектов лексики также не обнаружилось; присутствовали русские заимствования, «встроенные» в рамки коми морфологии и фонологии. Русские дискурсивные слова и идиомы использовались наряду с коми аналогами. Это соответствует и нашим наблюдениям. Более того, у информантов часто встречаются нарративы о том, как носители ижемского диалекта все же достигают взаимопонимания с носителями других диалектов. Например, они смотрят телепередачи, которые транслируются на литературном коми (основан на южных диалектах коми языка), читают газеты на литературном коми, а также приспособляются понимать речь живых носителей других диалектов. Вероятно, отличия ижемского диалекта от других вариантов коми языка могут преувеличиваться носителями.

Можно предположить, что и в Новейшее время противопоставление южных «зырян» северным коми существует в дискурсе членов локальных сообществ Ижемского района. Вопрос о том, существует ли особая, противопоставленная остальным коми идентичность коми-ижемцев и конструируется ли она через локальный идиом, является центральным исследовательским вопросом нашей работы. Мы предлагаем рассмотреть этот вопрос сквозь призму языковых идеологий и для этого воспользуемся теоретическими положениями современной социолингвистики и лингвистической антропологии.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Языковая ситуация, как ее определяют Николай Вахтин и Евгений Головкин (2004: 46–47), а также ранее Чарльз Фергюсон (Ferguson 1996), — «совокупность форм существования одного языка или совокупность нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий».

Понятие языковой идеологии, вынесенное в заглавие работы, ввел Майкл Сильверстин в своей статье 1979 г. (Silverstein 1979). Языковые идеологии социолингвист Бернард Спольски (вместе с language beliefs) рассматривает как один из компонентов языковой политики (Spolsky 2012). Также языковая политика, по Спольски, содержит в себя языковые практики (language practices). Они, в свою очередь, включают непосредственные поведенческие выборы, которые совершают члены языкового сообщества в коммуникации с другими, и то, что на них влияет. Важно и то, как члены сообщества представляют свои языковые практики. Третий компонент языковой политики — это управление языком (language management), действия, направленные на то, чтобы повлиять на языковые практики.

Для нашего исследования важным является также понятие отношения к языку (language attitudes) (Giles, Billings 2004). «Отношения» сближаются с тем, что в рамках концепции Спольски можно было бы рассмотреть как индивидуальные language beliefs. Языковые идеологии в данном исследовании понимаются шире — это конструкты, интерпретирующие все составляющие языковой политики на конкретной территории и/или в определенном сообществе. В свою очередь, «конечный результат» языковой политики применительно к территории и сообществу можно рассматривать как «языковую ситуацию».

В работе также используется концепция диглоссии, введенная социолингвистом Ч. Фергюсоном (Ferguson 1959). Диглоссией Фергюсон назвал ситуацию, при которой в определенном сообществе функционируют два родственных идиома, строго разделенных по сферам использования (в позднейших трактовках Джошуа Фишман расширил сферу употребления термина на ситуации использования неродственных идиомов). Один — вернакулярный «низкий», другой — язык «высокой культуры». Ситуация в исследуемом поле такова, что «высокий» идиом — литературный коми — используется лишь небольшой группой и только на письме, но имеет важный символический статус.

Ключевая концепция, на которую опирается наше исследование, — это методология, предложенная лингвистическими антропологами Мэри Бухольц и Кирой Холл (Bucholtz, Hall 2005) для работы с понятием «идентичности» в лингвистической антропологии и социолингвистике. Так, предлагается понимать идентичность не как источник языковых и иных практик, но как постоянно меняющийся результат этих практик. Эти «источники» идентичности могут быть самыми разными. Например, таким источником может послужить эксплицитно выраженное отношение или само использование определенных этнонимов и лингвонимов. Идентичность может выражаться и непосредственно лингвистически — выбор стилей, регистров, идиомов, конструкций может нести референцию к определенным категориям и их атрибутам.

Категории и их атрибуты определяются только относительно других категорий и атрибутов; они находятся в определенных взаимоотношениях⁶, постоянно сравниваются и сопоставляются между собой. Такие взаимоотношения не заканчиваются на противопоставлении «свой — чужой» и могут быть самыми разными: так, авторы приводят примеры «авторизация — нелегитимность» и «аутентичность — искусственность». Для данного исследования будут важны взаимоотношения «чистота — смешанность» и «надлокальное — локальное».

Чтобы рассмотреть, какие представления о языке существуют в локальном дискурсе, рассмотрим две языковые идеологии, формирующие идентичность коми Ижемского района. Каждая из них конструируется через особое взаимоотношение: во-первых, «чистоты» коми языка и его «смешанности» с русским; во-вторых, надлокальной наддиалектной («литературной»⁷) нормы и локального варианта (диалекта) коми языка.

«ДРУГИЕ» И «ДРУГОЙ» КОМИ В ИЖЕМСКОМ РАЙОНЕ

Ижемский район находится на значительном удалении от других мест компактного проживания коми и не имеет с ними доступной транспортно-связи, а большая часть непосредственных контактов с «другими» коми — это случаи образовательной и трудовой миграции в район Сыктывкара и редкие кейсы переселения из южных районов республики на север. Самое значимое присутствие «другого» коми языка, в данном случае литературного, в районе — это начальное и среднее образование. По нашим полевым данным, коми язык в подавляющем большинстве школ Ижемского района преподают как «родной», то есть по программе для носителей языка. И учителя, и родители при этом сетуют на сложность программы и низкую успеваемость детей. В новых словарях и учебниках, а отчасти и в периодике традиционные русские заимствования заменяются на пуристические неологизмы, то есть не зафиксированные в устном хождении слова, сконструированные на основе исконной коми лексики. Часто от родителей школьников можно услышать, что нынешнее школьное образование «испортилось» по сравнению с тем, что было несколько десятков лет назад, — и произошло это именно из-за притока неологизмов. С домашним заданием школьникам часто помогают родственники или работники культуры и образования из сообщества. Так, многие родители заказывают или находят в электронном виде словари литературного коми, чтобы помочь ребенку. Таким образом, с литературным языком в образовании имеют дело не только школьники и учителя, но и заметная часть сообщества.

⁶ Авторский перевод неустоявшегося термина “relations”.

⁷ Здесь и далее в случаях, отсылающих к эмной насыщенности термина *литературный* (т. е. «чужой, противопоставленный нашему» и под.), в тексте статьи он употребляется в кавычках. Как и в случае категории *коми-ижемцы / ижемцы* (см. сноску 3), категория *литературный коми* в высокой степени условна, что отражено в употреблении этого термина в дальнейшем тексте.

В школах и библиотеках Ижемского района заметно присутствие периодики и литературы на коми языке — из таких изданий оформляются целые стенды. В библиотеках книг на литературном коми довольно много, и даже в дальней деревенской библиотеке можно найти свежую периодику на коми. Библиотеки (зачастую в сотрудничестве с другими культурными организациями) проводят множество мероприятий, в том числе с детьми, где коммуникация происходит на локальном коми идиоме и где затрагиваются обычно краеведческие темы. Дети приходят в библиотеку, чтобы провести свой досуг, люди всех возрастов охотно берут книги на русском языке. Тем не менее, по свидетельствам библиотекарей и членов сообщества, книги и периодика на коми остаются не востребованными никем, кроме школьников, готовящихся к урокам литературы.

При этом местный идиом не воспринимается носителями как письменный. Количество контента на местном идиоме крайне невелико. Несмотря на большую популярность социальной сети «ВКонтакте», даже на локальную аудиторию принято писать по-русски, постов на коми исследователям встретить не удалось (за исключением отдельных фраз-формул). Тем не менее в личной переписке местный коми активно используется.

Часто формулы вроде «бур лун» («добрый день»), «аттьё» («спасибо») атрибутируются носителями в качестве «литературных» и «неместных». Действительно, по полевым наблюдениям в речи они почти не используются, их заменяют на русские аналоги. Тем не менее такие фразы даже посреди русской речи могут употребляться в ходе фольклорных выступлений, официальной части праздников, а также в социальных сетях. В Ижемском районе существует множество фольклорных ансамблей, исполняющих песни на коми — чаще всего на литературном языке. Во многих ансамблях бытует практика по переводу песен на «более понятный» локальный идиом.

«Другой» коми присутствует также на телевидении. Это программы на телеканалах «Россия 1 — Коми Гор» и «Юрган». Мнения по поводу языка, используемого в этих программах, очень различны, наиболее частотно следующее: ведущие говорят скорее «непонятно» и «по-литературному», а приглашенные гости или герои выпусков с юга республики — «более понятно», но «иначе». Стоит отметить, что в общем вещании программы на коми занимают немного часов и не пользуются особой популярностью.

Можно сделать вывод о том, что контент, создаваемый на литературном коми, не востребован у большей части сообщества. Тем не менее существует группа, которая свободно владеет литературным коми языком. Это работники культуры и образования, многие из которых получили формальную подготовку в области коми языка на «финно-угорской кафедре»⁸ Сыктывкарского государственного университета. Они

⁸ Современное название — кафедра коми филологии, финноугроведения и регионоведения Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорочкина.

занимаются и продуцированием, и потреблением контента на литературном коми. Все, что касается литературного коми языка, так или иначе замыкается на членах этой группы.

Эту ситуацию можно описать как *символическую диглоссию*. «Литературная» форма не имеет устного хождения ни в одной среде в районе, и даже контент на ней остается не востребовавшимся. Тем не менее значимая группа занимается созданием и потреблением контента на данном идиоме. Школьники, несмотря на все трудности, затрагивающие и их семьи, продолжают учить коми язык в школе как «родной», и никакого организованного протеста против такого обучения не сформировалось.

Литературный коми для информантов часто связан с общереспубликанской надлокальной идентичностью. Само существование Республики Коми с соответствующей «титульной национальностью» важно для многих членов локальных сообществ, и символическое существование литературного коми языка в локальном пространстве приветствуется.

ИДЕОЛОГИЯ «ОСОБОСТИ»

Верхний куст поселений, находящийся в среднем течении Ижмы, состоит из районного центра, села Ижмы, и так называемого Заречья — сел и деревень через реку от него. Здесь категория *коми-ижемец* часто определяется географией. Идентичностью «по умолчанию» в верхнем кусте является категория *коми*, но иногда информанты сами уточняют — *коми-ижемцы*, будто бы случайно вспоминая о такой опции. Кроме географического атрибута реки, района или села, для категории *коми-ижемец* в названных поселениях важен идиом, на котором говорят жители: «У нас же ижемский диалект». Жители этих сел, идентифицирующие себя так, склонны приписывать ту же категорию жителям всего района.

На другой стороне реки от райцентра находится ряд сел, называемых Заречьем. Это села Мошьюга, Мохча, Гам, Бакур и Сизябск. На территории Заречья идиом общения по умолчанию — локальный коми идиом. Заречье — условный центр ижемской идентичности для Ижемского района. Именно здесь чаще всего в том или ином контексте информанты заявляют о себе как об *ижемцах*. При этом от информантов из Заречья можно услышать, что районный центр сильно «русифицирован» по сравнению с зареченскими селами. В культурных и образовательных учреждениях этих сел наиболее заметны проекты «сближения» «большой» и «локальной» коми культур.

Самый явный маркер отличия одних коми от других для владеющих и использующих коми идиом на постоянной основе (таких, как члены рассматриваемого сообщества) — это отличия своего идиома от чужого. И здесь взаимоотношение локальности и надлокальности позволяет представлять коми язык как континуум диалектов, каждый из которых «занимает» определенную территорию. Список иных коми идиомов,

аналогичных ижемскому, получаемый от информантов, сходится со списком районов республики, где большинством населения являются коми: Усть-Куломский, Корткеросский, Сысольский и др. При этом диалекты в академической традиции выделяются иначе, соответственно, эта классификация основана на локальном опыте идентификации по району и переносится на остальных коми.

Особенности «ижемского коми» для информантов проявляются и в лексике, и в произношении. Часто вспоминаются особые «диалектные» слова, отсутствующие в литературном. При этом расположение большинства остальных «коми районов» значительно южнее Ижемского района, сложности транспортного сообщения между Ижемским и этими районами и рождает противопоставление «мы vs. южные». Соответственно, по мнению таких информантов, литературный язык основан на усредненных «южных» диалектах или «сыктывкарском». То есть «литературный» противопоставлен не только ижемскому диалекту, но и почти всем остальным, хотя и в меньшей мере. В свою очередь, местный идиом, использующийся в районе, воспринимается как достаточно монолитный.

Такая «локальность» позволяет думать об ижемском диалекте как об особом, наиболее непохожем и удаленном, но равнозначном с другими коми диалектами идиоме. Эти представления формируют языковую идеологию, которую можно условно назвать *идеологией особости*. Эта идеология проявляется сильнее всего именно в поселениях верхнего куста.

ИДЕОЛОГИЯ «СМЕШАННОСТИ» С РУССКИМИ КАК ОТЛИЧИЯ ОТ «ДРУГИХ» КОМИ

В Припечорье, чем выше по реке, то есть чем ближе к границе района, тем реже можно встретить идентичность *коми-ижемец*. Чаще люди определяли себя *коми*, свой идиом — «не чисто коми», противопоставляя его «чисто коми языку», который «у зырян, где-то в республике». Категория *ижемец* часто оказывалась довольно чуждой, рефлексия по ее поводу отсутствовала. Иногда ее связывают с названием района, а по большей части — приписывают жителям сел и деревень, расположенных вдоль реки Ижма. Таким образом, в Припечорье категорию ижемец подавляющее большинство информантов посчитали не относящейся к собственной идентичности. Особая «припечорская» идентичность также выражена слабо — и связи с конкретными поселениями в районе выстраиваются лишь семейные, рабочие или иные индивидуальные. Именно припечорцы чаще всего определяют себя как «не чисто коми», противопоставляя себя «чисто коми» в других районах республики. Территориальная ижемская идентичность у жителей Припечорья в том виде, в котором она встречается в остальном Ижемском районе, отсутствует — в первую очередь из-за отсутствия ориентира в виде реки Ижмы и нахождения в несколько ином территориальном дискурсе.

Контакты с «другими» коми в Припечорье еще более слабы — из-за того, что далекий Сыктывкар играет не настолько важную роль, насколько районный центр. Инпут (в лингвистической традиции — языковой материал, получаемый извне) в виде «официального» контента в виде образования на коми языке и СМИ полностью доминирует. Чем более отдалено то или иное сообщество от верхнего куста поселений и Ижмы, тем более релевантно для сообщества все вышесказанное.

Информанты из Припечорья, реже из сел нижнего куста и совсем редко — из верхнего говорят о себе как о «смешанных» с русским населением. Крайне часто используются описание «других» коми и их идиома как «чисто коми», а себя, свой идиом и свое сообщество (включая весь район) — как «не чисто коми». При этом в сообществах, где вся повседневная коммуникация происходит на локальном коми, любой приезжий, не говорящий на коми, становится заметно «другим». Категория «роч» (русский) используется для обозначения любых русскоязычных приезжих без иной ярко выраженной идентичности. Соответственно, члены этих удаленных сообществ четко отделяют себя от «роч» — самым ярким атрибутом здесь становится возможность или невозможность коммуникации на местном коми. Различия с «другими» коми происходят именно из вышеуказанного инпута на «литературном» коми. Весь объем русских заимствований, от лексических до дискурсивных, сопоставляется с «чистым» контентом на литературном языке. При этом внутри южных коми иногда различий не проводится вовсе, и все они представляются носителями «чисто коми». Взаимоотношение «чистоты — смешанности» может переноситься и на другие сферы вне языка — в частности, на быт и культуру. Отыскивающиеся в них сходства с приезжими русскими и старообрядцами из соседнего Усть-Цилемского района только подтверждают такое взаимоотношение.

Основой этой идеологии — «идеологии смешанности» — можно назвать именно соответствующее взаимоотношение. Из-за удаленности Сыктывкара все источники, которые могут дать представление о «других» коми, — это образцы пуристического «литературного» языка, отличающегося от локального идиома, на взгляд информантов, именно отсутствием «смешанности» с русским.

Также члены этих сообществ не рассматривают себя как «переселенцев», имеющих своей «исторической родиной» Ижму или иные села верхнего куста: «...мы всегда тут жили» — частый нарратив. Скорее, все села «равноправны», и остальные коми Ижемского района в восприятии членов этих удаленных сообществ также являются «не чисто коми».

ВЫВОДЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Этнические активисты, репрезентирующие коми-ижемцев, и представители академического сообщества регулярно выделяют и противопоставляют сообщества Ижемского района всем прочим коми на

территории республики. Казалось бы, одним из наиболее очевидных критериев такого противопоставления должен стать язык. Однако подобного противопоставления в дискурсе членов сообществ не обнаруживается. Не подтверждается это и лингвистическими данными — по мнению многих ученых, идиомы структурно и лексически крайне близки (Leiponen 2009). Таким образом, можно говорить об устойчивости географической идентичности сообществ Ижемского района и на данный момент лишь формирующейся концептуализации «ижемскости» как этничности.

Тем не менее в дискурсе жителей Ижемского района существуют иные противопоставления, на которых строится языковая идентичность, — и их позволяют описать два предложенных авторами конструкта, языковые идеологии. Член сообщества может объяснять различия идиомов в рамках категорий той или иной идеологии. Те или иные конструкции, лексика, непосредственный выбор или переключение кода также могут быть референцией к категориям или атрибутам, создаваемым в рамках одной из идеологий.

В рамках идеологии «особости» противопоставляются локальные коми идиомы (в числе которых и местный идиом, часто называемый его носителями «ижемским») и надлокальный наддиалектный коми язык, использующийся в официальных ролях и образовании и употребляющийся скорее в символической роли небольшой группой работников культуры и образования.

В рамках идеологии «смешанности» местный коми идиом противопоставляется «чисто коми» литературному стандарту, и признается смешанным с русским языком — «не чисто коми». Литературный коми язык, который употребляется в литературе, в образовании и официальных ролях, осмысливается как крайне близкий или аналогичный идиомам юга республики. В основном осознаются и обсуждаются различия в количестве употребления заимствованной из русского лексики и конструкций — и соответственно, противопоставление идиомов строится именно на этой «нечистоте» или «смешанности».

В заключение стоит заметить, что описанные идеологии в том виде, в каком они представлены в этой работе, не существуют (и не должны существовать) для члена сообщества «объективно», психологически или даже в социальном контексте. Тем не менее описанные или схожие более «мелкие» социальные концепты — категории, атрибуты и взаимосвязи — могут осознаваться и рефлексироваться отдельным членом сообщества или быть сконструированы им намеренно. Такое предполагаемое единство поведения членов одного сообщества объясняется авторами именно их общим бэкграундом и общим языковым инпутом.

Также, по-видимому, с помощью описанных идеологий осмысливаются не только языковые, но и культурные факторы. Так, в рамках идеологии «смешанности» могут концептуализироваться культурные сходения с расположенными по соседству старообрядческими не-коми

сообществами Усть-Цилемского района, выражающиеся, в частности, в «традиционных» быте и костюме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 335 с.

Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: www.perepis2002.ru/index.html?id=17 (дата обращения: 04.09.2023).

Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 04.09.2023).

Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 04.09.2023).

Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.

Жеребцов И. Л. Из истории расселения ижемских коми по Ижмо-Печорскому краю // Материалы к Коми республиканскому семинару «Изьватаслӧн культура: Традицияяс. Ќӧня кад да аския лун». Сыктывкар: Кола, 2007. 20 с.

Кашкин Е. В., Муравьев Н. А. ‘На столе сидит чашка’: о контактных изменениях в коми-ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2020. Т. 16. № 3. С. 118–145.

Кирасова Н. В. Политика коренизации кадров в Коми автономии в 1920–1930-е гг.: к постановке проблемы // Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. С. 367–371.

Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми. Формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 228 с.

Кузнецова А. И. Коми язык и его диалекты сегодня // Родной язык. 2014. № 1 (2). С. 146–160.

Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 247 с.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1976. 288 с.

Устав Межрегионального общественного движения коми-ижемцев «Изьватас». 2014.

Шабаетов Ю. П., Истомин К. В. Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы (изьватас) и коми-пермяки как «другие» коми // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 99–114.

Bucholtz M., Hall K. Identity and Interaction: A Sociocultural Linguistic Approach // Discourse Studies. 2005. Vol. 7 (4–5). P. 585–614.

Ferguson C. A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15 (2). P. 325–340.

Ferguson C. A. Sociolinguistic Perspectives: Papers on Language in Society, 1959–1994 // Language in Society. 1996. Vol. 28 (4). P. 588–591.

Giles H., Billings A. C. Assessing Language Attitudes: Speaker Evaluation Studies. Blackwell // The Handbook of Applied Linguistics. 2004. P. 187–209.

Leinonen M. Russian Influence on the Ižma Komi Dialect // *International Journal of Bilingualism*. 2009. Vol. 13 (3). P. 309–329.

Shabaev Y., Sharapov V. The Izhma Komi and the Pomor: Two Models of Cultural Transformation // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2011. Vol. 5 (1). P. 97–122.

Silverstein M. Language Structure and Linguistic Ideology. The Elements: A Paresession on Linguistic Units and Levels // *Chicago Linguistic Society*. 1979. P. 193–247.

Spolsky B. *The Cambridge Handbook of Language Policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 738 p.

REFERENCES

Bucholtz M., Hall K. Identity and Interaction: A Sociocultural Linguistic Approach. *Discourse Studies*, 2005, vol. 7, no. 4–5, pp. 585–614. (In English).

Ferguson C. A. Diglossia. *Word*, 1959, vol. 15, no. 2, pp. 325–340. (In English).

Ferguson C. A. Sociolinguistic Perspectives: Papers on Language in Society, 1959–1994. *Language in Society*, 1996, vol. 28, no. 4, pp. 588–591. (In English).

Giles H., Billings A. C. Assessing Language Attitudes: Speaker Evaluation Studies. Blackwell. *The Handbook of Applied Linguistics*, 2004, pp. 187–209. (In English).

Guboglo M. N. *Identifikatsiya identichnosti: Etnosotsiologicheskiye ocherki* [Identification of identity: Ethnosociological essays]. Moscow: Nauka Publ., 2003. (In Russian).

Kashkin Ye. V., Murav'yev N. A. [‘There’s a cup sitting on the table’: about contact changes in the Komi-Izhem dialects of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research], 2020, vol. 16, no. 3, pp. 118–145. (In Russian).

Kirosova N. V. [The policy of indigenization of personnel in Komi autonomy in the 1920–1930s: towards the formulation of the problem]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost’: Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Yekaterinburg, 2–3 dekabrya 2016 g.* [Document. Archive. Story. Modernity: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Ekaterinburg, December 2–3, 2016]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2016, pp. 367–371. (In Russian).

Konakov N. D., Kotov O. V. *Etnoareal'nyye gruppy komi. Formirovaniye i sovremennoye etnokul'turnoye sostoyaniye* [Ethnoreal groups of the Komi. Formation and current ethnocultural state]. Moscow: Nauka Publ., 1991. (In Russian).

Kuznetsova A. I. [Komi language and its dialects today]. *Rodnoy yazyk* [Native language]. 2014, vol. 1, no. 2, pp. 146–160. (In Russian).

Leinonen M. Russian Influence on the Ižma Komi Dialect. *International Journal of Bilingualism*, 2009, vol. 13, no. 3, pp. 309–329. (In English).

Popova R. P., Sazhina S. A. *Foneticheskiye i morfologicheskiye osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyy aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of Komi dialects (comparative aspect of the study)]. Syktyvkar: Izdatel'stvo SyktGU Publ., 2014. (In Russian).

Sakharova M. A., Sel'kov N. N. *Izhemskiy dialekt komi yazyka* [Izhemsky dialect of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1976. (In Russian).

Shabaev Y., Sharapov V. The Izhma Komi and the Pomor: Two Models of Cultural Transformation. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2011, vol. 5, no. 1, pp. 97–122. (In English).

Shabayev Yu. P., Istomin K. V. [Territoriality, ethnicity, administrative and cultural boundaries: Komi-Izhma (Izvatas) and Komi-Permyaks as “other” Komi]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review], 2017, no. 4, pp. 99–114. (In Russian).

Silverstein M. Language Structure and Linguistic Ideology. The Elements: a Paresession on Linguistic Units and Levels. *Chicago Linguistic Society*, 1979, pp. 193–247. (In English).

Spolsky B. *The Cambridge Handbook of Language Policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. (In English).

Vakhtin N. B., Golovko Ye. V. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka: uchebnoye posobiye* [Sociolinguistics and sociology of language: Textbook]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2004. (In Russian).

Zherebtsov I. L. [From the history of the settlement of the Izhma Komi in the Izhmo-Pechora region]. *Materialy k Komi respublikanskomu seminaru «Iz'vataslon kul'tury: Traditsii. Oniya kad da askia luna»* [Materials for the Komi Republican seminar “Izvataslön culture: Tradition. Öniya kad da askia lun”]. Syktyvkar: Izdatel'stvo «Kola» Publ., 2007. (In Russian).

Submitted: 04.11.2022

Accepted: 21.03.2023

Article published: 01.10.2023